

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Роман
Шабанов

Разговоры
со спящими

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Роман Шабанов

Разговоры со спящими

«ФТМ»

Шабанов Р. В.

Разговоры со спящими / Р. В. Шабанов — «ФТМ»,
— (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-3210-4

Женщина устраивает свою жизнь таким образом, чтобы все в ней спали. Муж, сын. Она создает атмосферу, разговаривает с ними, уверяя их, что и во сне есть тоже вполне нормальная жизнь. Неожиданно подступает старость, и происходит осознание случившегося.

ISBN 978-5-4467-3210-4

© Шабанов Р. В.

© ФТМ

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Сцена 1	6
Смотритель кладбища	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Роман Шабанов

Разговоры со спящими

Пьеса с элементами монолога и диалога

*Мертвые не способны ничего сделать или почувствовать. Мы не в состоянии им помочь, а они не могут причинить нам вред.
(Псалом 145:4; Екклесиаст 9:5, 10).*

*Душа умирает, она не живет после смерти.
(Иезекииль 18:4).*

*Человек может всю жизнь прожить в одиночестве. А что, может. Но все-таки кто-то ему нужен, кто бы его зарыл, хотя могилу он себе может выкопать сам.
Джеймс Джойс «Улисс»*

Действующие лица

Девушка, Женщина, Пожилая женщина, Старуха – одно и то же лицо в разные промежутки времени.

Сын, он же **Мальчик, Парень, Мужчина**.

Смотритель кладбища – несмотря на возраст, он всегда остается смотрителем кладбища.

И спящие...

Действие первое

Сцена 1

*Спальня. Ничего особенного, все, что обычно бывает в спальнях, – кровать, тумбочка, стул, бельевой шкаф, кресло, может быть, комод. Большое занавешенное окно с небольшой щелью в нем. Пиджак, брюки небрежно брошены на пол. В комнате приглушенный свет от бра около кресла. На кровати, отвернувшись к стене, лежит полуобнаженный **Парень**, прикрытый простыней. Напротив, у окна в кресле сидит **Девушка**, нервно кусающая ногти.*

Слышится звук телефонного звонка – противный, вибрирующий, тревожный, монотонный «бррр». Парень вздрагивает, но ее шепот «Тихо, маленький» успокаивает его.

Девушка. Он говорит: «Сходи в душ». Через «а» и «щ». И что? Пойду я в душ, намылю себя фисташковым гелем, задумаюсь о том, какую песню спеть, чтобы он, услышав, смог оценить и мой голос, и мой музыкальный вкус, посчитаю семь-восемь, буду стоять вся в пене, с открытым ртом, пока он фьют... «Сходи в душ»... пока он поворачивает два ключа и пропадает в междуречье дорог и женщин. Блин, конечно, сегодня я постаралась, использовала разные штучки, заказала заранее на «Озоне», принес почти мальчик, худой, как бутерброд в театральном буфете, и спросил: «Будем проверять?» Нет! Не надо. Иди уже! Липкий, клубника, экстракт, но клейкий, соединяющий, со смыслом... он-то в экстазе, а я в хреновой мази. «Помойся», шепчет, ты всю кровать измажешь... я не лягу, пока не помоешься и не уберешь здесь. Тебе-то чего волноваться, не твоя же суспензия. А он, блин, смотрит на меня, кусает сигарету, а у меня так соски ноют, как будто он их сейчас мнет, как полиэтиленовый антидепрессант в каждой упаковке телека. Хочется крикнуть: «Перестань!», но я же никогда не крикну. А вдруг, покусав свой «Парламент», он наденет брюки, выдохнет так тяжело, как будто все это у него набралось, пока он был со мной, и свалит. Нет, не пойдет... так легко от меня не получится сбежать. Мне не трудно. Я помолчу, вымою всю эту клубничную слизь, постелю, если надо, новую простынку и наволочку заменю, если потребуется, чтобы только ничто не помешало. А то он и вправду не ляжет, и тогда у меня кресло, стул, подоконник, а ему выспаться надо после такого. Я же его извела. Не станет же он в кресле. *(Изучает кресло как место для обоюдных игр.)* Хотя, может, и в кресле. И на полу, если понадобится. И на изжеванной кровати, и на... *(Глаз падает то на пол, то на подоконник, то на потолок, и после кругового обзора останавливается на Парне, измученном и, можно сказать, даже измученном.)* Размечталась, только не он. Он не. Может быть, он вчера так устал, у него энергии-то осталось только на один раз, и скажи спасибо за этот поток. Спаси... но, правда, я же не знаю, чем он занимался вчера. Говорит, после работы. В полночь? Какая, нахрен, работа? Я уже думала ложиться, прочитала «Отче наш», включила свет в прихожей и на кухне, сбила подушку... стучится. Если бы звонил, как все. Деликатный, блин. Стучится. Чтобы соседей не будить. Кого там будить? Молодых, что не живут в тишине в принципе, или этого старика, который из звуков воспринимает только грохот взрыва и шум свадьбы? Я уже спать, все постирала, у меня, как знал, и белья-то не было на себе, надела что-то из старого. А он: пусти, говорит, старого-голодного. А я, блин, молодая и сытая! Башмаки-то не стоптал, спрашиваю. Думала не пускать, напомнить из последнего, про его звонок на балконе, женское «мяся» и это выдающее его с потрохами покусывание сигареты. «Меня ждут друзья, у одного из них юбилей, а без меня ничего не получится». Знаю, твой друг ждал тебя в постели, а со мной ты разминался. Думал, не выгорит, а тут и я, нескладеха, и она, чищенная пемзой. Отрезать бы ему по самую шею, чтобы больше не выросло... но он как-то умеет на меня воздействовать: не сдержалась, открыла. Наверное, могла бы ему все отдать. Бери все: и посуду, и деньги, тысячу последнюю,

и маринованные помидоры. А он с водочным амбре, шлеп борозда на порог, скинул только шапку, куртку и свои мокасины и на кровать меня, борозды свои оставлять. Пришел, оставил и напоследок туалетную воду унес. Случайно как-то. Второпях, а мужскую оставил. Так я на работу с ней. А что, надо же чем-то пахнуть. Не домом же, не метро. А там мои девки: «Ага...» Почему если от мужчины пахнет женским, то нормально, а про женщину такое никогда не скажут? Ты че это, от бывшего, что ли? Ушел, оставил. Или купила, а когда собралась дарить, он уже с другой трением занимался. *(Раздраженно.)* Все-то им понятно. По статистике... Нахрен их статистику. Я что, как и все в этой консервной банке? У меня что написано?

Лежащий на кровати объект ее внимания просыпается, ворочается. Она приближается к нему.

Тихо, маленький. Спи, еще ночь, все зайки спят. И ты спи. Любит тишину. У меня, говорит, на работе все ведут себя тихо. Я им ничего не позволяю. Чуть что – на кол. *(Насмешливо.)* На кол... кол. Так посмотришь: как будто и не живой. Лежит у меня... неживой. Почему? Да потому что застыл в одной недвижимой позе, как только глаза прикрыл, и не храпит? Мой папка так храпел, так... все равно что говорил со мной. Он: «Хр», а я отвечаю. Он: «Хре-хре, хрю-хрю». И такое понимание было. Его вздох мог рассказать больше, чем болтушка на улице, которую спросили, как пройти до метро. Его выдох, долгий, протяжный и даже певучий. Он выдыхал, и я вместе с ним. Только вдыхать, как он, у меня не получалось. У него прямо талант был. *(Задумчиво.)* Был. Бы-ы... л. *(Обращает внимание на лежащий «труп».)* А так ничего. Мертвецки. Тихо, ни звука. Натренировался, су... рок.

Спыхватывается, прикрывает рот, как будто понимает, что не должна так говорить.

Прости, прости. Я дура. Не должна так. Надо как-то по-другому – ласково, чтобы, проснувшись, он на эти слова уже усвоенные мне ответил. Так не могу. Так ему лучше в самое ухо чтобы это слово вошло, как надо, а так, на расстоянии, все что угодно может влететь, и ему что, все это перерабатывать? *(Подходит.)* Сколько их у тебя было? Не партнеров на ритмике и дохлых рыбок, выкинутых в окно, а, да-да, этих длинных горячих надушенных тел? Ноль. *(Насмешливо.)* Я у тебя одна, словно в ночи луна... а ты ко мне совсем невинный пришел. Это я тебя испортила. Плохая девочка. *(Смеется.)* Повернулся. Блин, чувствительный. На работе своей нужно бдить круглосуточно. Он и на мне как будто постоянно бдит. *(Смеется еще громче.)* Тихо-тсс... Нужно сдерживать себя, но как, когда у него при ласках три раза вибрирует, отсылается почта, да и сейчас, во сне, постоянно что-то звучит. Вот бы... тихо-тс-с-с. Спокойствие, только спокойствие, говорил один мужчина в полном расцвете сил, или лет, никогда этого не помнила.

Звонок, он ворочается, она вскакивает и накрывает брюки подушкой, садится на нее.

Спи, еще рано просыпаться. Только заснул, а там всякие бяки к тебе пристают. Мы их спрятали от тебя. Можешь не беспокоиться. Я тебя от них защищу. У меня есть огромная подушка. Не одна. Их у меня хватит и на брюки, и на пиджак, и на твои разбежавшиеся носки. *(За окном проносится трамвай.)* Да что же это они все! И трамваи, и телефоны. У меня только. *(Поднимает руку, второй нажимает на кнопку воображаемого телефона.)* Пи-пи, абонент временно недоступен. Нельзя, чтобы он проснулся. Сейчас проснется, скажет: «Хочу кофе» или «Еще», потом уйдет и снова пропадет на месяца два-три... А так пока со мной.

Трамвай... Бросается к окну с подушкой, что лежала на брюках. Звонит телефон, она кидается стремглав на прежнее место. Тишина.

Сегодня суббота, с пятницы он у меня, еще ночь, потом воскресенье. А потом понедельник. Его нет, нет, нет. Если проснется, то это «нет» начнется уже сейчас. А так он есть, есть.

Пауза, которая позволяет ей подойти к нему и наблюдать, как он спит, но ни в коем случае не тревожа кровать, используя только самые бесшумные тапочки.

Как же он любит есть! Пришел, спорол большой кусок мяса. Съел и смотрит на меня голодными глазами – мол, что на второе? У меня и первое-то было на два дня. Нет, такого не

прокормить. Если он каждый день нуждается по два раза минимум, утром и вечером, в обед спасибо ресторанному бизнесу, то это рано вставать, а потом еще на вечер. А сама слюнки глотай и стели постель. Говорят, все они хорошие, пока спят. Точно ангел. Вот это точно про него. Правда, из ангельского только взгляд, когда стоит на площадке и констатирует: «Я прицел. Не ждаль?» Ждаль, конечно, тебя день и ночь жду. Какие все же большие губы, неправильно огромные, как будто неправильно прорисованные, специально, чтобы посмеяться. Как он только не заглотил меня, беззащитную, которая и пикнуть бы не успела, скатившись в его какой-то безразмерный живот? Если сложусь, то как раз по форме его пуза. А что? Придет однажды, а у меня ничего (он же без звонка, конечно, я же его денно-нощно жду), так он меня, недолго думая, внутрь себя и определит... Сперва, конечно, все будет наоборот. Пусть лучше спит, так не ест хоть. И не говорит. Потому что когда он говорит...

У спящего вырывается крик: «А-а!».

Тихо, тихо. Да что ты будешь делать! Не спит. *(Берет его голову, целует, укачивает.)* Баю-баю, потому что когда ты говоришь, то все вокруг замолкает, все мрет. *(Нежно.)* Я мру, мои цветы и кошка прячутся, тожедохнут. Соседи вымирают. Прислушиваются, конечно, но для меня мрут. *(Воспитательно.)* Что ты не побрился-то, царапал меня, баю-бай. Хочешь уйти, да? К масянкам разным? Тихо, баю-баю... Уснул, кажется. Вот бы спал так вечно, а я его бы не трогала. Все тс-с, да тс-с-с... и хорошо.

Смотритель кладбища

*Кладбище. Простое кладбище, где все, что обычно присуще этому месту – могильные памятники, ограды, столики, стаканчики с хлебушком, цветы, тополя и тишина, вперемежку с доносящимися звуками ветра, что качает, заставляет скрипеть и стонать, может быть. **Смотритель** – старикашка неопределенного возраста, в руках веничек, елочный букет, отряхивается от снега, поглядывая вверх.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.